

Китайские народные сказки

Пять сестер

Было у матери пять дочерей. Старшую прозвали Дин-чжэр — Наперсток, вторую Шоу-чжор — Браслет, третью Цзе-чжир — Колечко, четвертую Эр-чжур — Сережка, пятую Хэ-бор — Кошелечек. Мать рано овдовела и во второй раз вышла замуж за торговца-разносчика. Недобрым был он человеком, а пуще того несправедливым. Да к тому же скряга. Не велел он падчерицам платья из новой материи шить, не велел хорошей едой кормить. Чуть что ему не по нраву, кричит да ругается:

— Хэй! Зря я белый рис перевожу, зря первосортную муку порчу, кормлю пятерых девок — товар дешевый!

Отправился как-то разносчик спозаранку по деревням, а перед уходом наказал жене:

— Возьми полшэна лучшей муки, налей полцзиня лучшего масла, напеки блинов масляных многослойных, ворочусь вечером, наемся досыта.

Сказал так разносчик, взвалил на плечо коромысло с товаром и ушел. Жена всех пятерых дочек на ток зерно сушить отослала, заперлась в кухне, собралась блины печь. Взяла самой лучшей муки, тесто замесила, огонь в очаге развела, стала блины в котле печь. Не успела первый блин испечь, слышит — старшая дочь пришла. Бан-бан-бан — стучится в дверь, кричит:

— Мама, мама! Отопри!

Отвечает мать:

— Ты зачем пришла, отчего зерно на току не сушишь?

— Я за ситом пришла.

Отперла мать дверь, впустила дочку. А в очаге огонь полыхает, из котла пар валит.

Спрашивает дочка:

— Мама! Ты что делаешь?

— Отцу масляные блины пеку.

— Пахнет вкусно! Дай один отведать.

Сказала так Дин-чжэр, сняла крышку с котла, смотрит — блин подрумянился, жаром пышет, схватила его и есть принялась.

Говорит ей мать:

— Ты, доченька, так и быть, ешь, только смотри, на ток воротись, сестрам ничего не рассказывай.

Согласилась Дин-чжэр, съела блин, сито взяла и ушла. Заперла мать дверь и второй блин печь принялась. Только стал он подрумяниваться, вторая дочь прибежала. Бан-бан-бан — стучится в дверь, кричит:

— Мама, мама! Отопри!

— Ты зачем пришла? Отчего зерно на току не сушишь?

— Я за решетом пришла.

Отперла мать дверь, впустила дочку. А в очаге огонь поддыхает, из котла пар валит.

Спрашивает дочка:

— Мама! Ты что делаешь?

— Отцу масляные блины пеку.

— Пахнет вкусно! Дай один отведать!

Сказала так дочка, сняла крышку с котла, взяла блин и есть принялась.

Говорит ей мать:

— Ты, доченька, так и быть, ешь, только смотри, на ток воротись, сестрам ничего не рассказывай.

Засмеялась дочка, доела блин, взяла решето и ушла. Закрывает мать дверь, третий блин печь принялась. Только стал он подрумяниваться, третья дочка прибежала. Бан-бан-бан — в дверь

стучится, кричит:

— Мама, мама! Отопри!

— Ты зачем пришла! Отчего зерно на току не веешь?

— Я за веником пришла.

Отперла мать дверь,пустила дочку. В очаге пламя полыхает, из котла пар валит.

Спрашивает дочка:

— Мама! Ты что делаешь?

— Отцу масленые блины пеку.

— Пахнет вкусно! Дай один отведать!

Сняла дочка крышку с котла, взяла блин, есть принялась.

Говорит ей мать:

— Ты, доченька, так и быть, ешь. Только помни, на ток воротись, сестрам ничего не рассказывай.

Закивала головой дочка, доела блин, взяла веник и ушла. Заперла мать дверь, четвертый блин на стенку котла налепила. Только стал он подрумняиваться, четвертая дочка пришла. Бан-бан-бан — в дверь стучится, кричит:

— Мама, мама! Отопри!

— Ты зачем пришла? Отчего зерно на току не метешь?

— Я за мешком пришла.

Отперла мать,пустила дочку. В очаге огонь полыхает, из котла пар валит.

Спрашивает дочка:

— Мама! Ты что делаешь?

— Отцу масленые блины пеку.

— Пахнет вкусно! Дай один отведать!

Открыла Эр-чжур котел, достала блин, есть принялась.

Говорит ей мать:

— Ты, доченька, так и быть, ешь, только смотри, на ток воротись, сестрам ничего не рассказывай.

Засмеялась Эр-чжур, доела блин, взяла мешок и ушла. Заперла мать дверь, последний блин на стенку котла налепила, хворосту подбросила, испеку, думает, блин и спрячу подальше. Вдруг слышит: бан-бан бан — в дверь застучали. Это пятая дочь прибежала, кричит:

— Мама, мама! Отопри!

Говорит мать:

— Ты зачем пришла? Отчего зерно на току в метки не насыпаешь?

— Я за коромыслом пришла.

Отперла мать дверь,пустила дочь, дала ей коромысло и говорит:

— Темно уже, быстрее беги к сестрам, подсоби им зерно таскать!

А дочь отвечает:

— Дай мне блина отведать!

— Нет у меня блинов, рисовой каши жиденькой поешь!

— Сестрам дала блинов отведать, а мне не даешь! Выходит, их любишь, а меня нет!

Сказала так Хэ-бор, слезами горячими залилась.

Вздыхнула мать, вытащила из котла последний блин, отдала младшей дочери и говорит:

— Только один и остался, ешь, доченька.

Взяла Хэ-бор блин, улыбнулась весело и есть принялась. Увидала пестрая собачка, что Хэ-бор блин масленый ест, подняла голову, глядит. Отломил Хэ-бор кусочек, собачке бросила:

— Отведай и ты, собачка, узнаешь, какие вкусные блины масленые.

Доела девушка блин, а тут и солнышко за горы спряталось. Разносчик домой воротился, снял с плеча коромысло и говорит:

— Исходил я вдоль и поперек четыре деревни да восемь поселков, прошел хутора восточные, в западных селеньях побывал. Притомился, есть захотел. Скорей подавай мне блины масленые.

Отвечает жена:

— Блины масленые дочки съели.

Услыхал это торговец, закипела в нем злость — вода забурлила. Ничего не сказал, а сам план хитроумный придумал. На другой день утром припас он топор хворост рубить, закинул за спину веревку крепкую, взял палку толстую, сухую шкуру баранью, рассмеялся и говорит:

— Ну, доченьки, пойду я нынче в горы за хворостом, в горах цветы распустились, мотыльки порхают. И вы со мной идите, за день нагуляетесь.

Девушки доверчивые, услышали, что в горы пойдут играть да резвиться, обрадовались. Взяла старшая, Дин-чжэр, корзиночку, яблочки-дички, говорит, собирать буду. Захватила вторая — Шоу-чжор — лопатку, говорит: выкапывать буду целебные корни гортензии. Припасла третья — Цзе-чжир — маленькую цапку, травы душистые, говорит, добывать буду. Четвертая — Эр-чжур — лукошко на спину повесила, грибы, говорит, собирать стану. Пятая — Хэ-бор — малый серп взяла, ветки туи, говорит, срезать буду. Прихватили они еще дружка — пеструю собачку, чтоб в пути не скучно было. Вышел за ворота разносчик, вслед за ним пятеро сестер весело выбежали.

Девяносто девять отмелей прошли, девяносто девять излучин обогнули и пришли на Медвежью гору.

Говорит разносчик:

— Доченьки, я под горой хворост рубить буду, а вы на гору подымитесь, поиграйте да порезвитесь. Как умолкнет мой топор, так вниз спускайтесь.

Поднялись сестры на гору, а там красота такая, что и не расскажешь. Небо разноцветное, деревья зеленые, травы сочные, а цветов каких только нет, да птиц разноперых! Персиков горных да яблочек диких тьма-тьмушая, аж ветки гнутся. В озерах мальки зеленые, красные, желтые, синие. Взялись сестры за руки, пошли цветы рвать, яблоки собирать, мотыльков ловить, на траве кататься.

Вырвались они на волю — птички из клетки вылетели, — не на радуются. Набрала старшая сестра полную корзину яблок и говорит:

— Давайте к отцу воротимся.

Отвечают ей сестры:

— Погоди! Слышишь, отец еще хворост рубит?

Идут они дальше. Накопала вторая сестра корней гортензии и говорит:

— Хватит играть, давайте к отцу воротимся.

А три младшие сестры ей в ответ:

— Не бойся! Слышишь, отец еще хворост рубит?

Идут они дальше. Нарубила третья сестра целую охапку душистого рогоза и говорит:

— Далеко мы зашли, давайте назад воротимся!

А две младшие сестренки ей отвечают:

— Не далеко — близко, не далеко — близко! Слышишь, отец еще хворост рубит?

Идут они дальше. Набрала Эр-чжур полно лукошко грибов и говорит:

— Скоро солнышко спрячется, домой пора!

Услыхала это Хэ-бор, губы надула и говорит:

— У вас у всех корзинки полные, у меня одной ничего нет!

Увидали сестры: невесела Хэ-бор, потолковали меж собой в говорят:

— Раз так, пройдем еще немного. Отцов топор пока не умолк.

Хотят они дальше идти, а собачка им поперек дороги встала, лает: ван-ван-ван!

— Не кусай нас, дружок, мы поиграем малость и назад воротимся.

Пошли они дальше и забрели в самую чащу лесную. Срезает Хэ-бор нежные ветки туи, сестры ей помогают, целую вязанку нарезали. Солнышко за горы село, птицы в гнездах попрятались, темно стало. Пошли сестры назад, боязно им, дороги не разбирают, — и заблудились. Вперед идут — горы крутые, назад — лес густой. В траве светлячки сверкают, в ущельях звери ревут. Птицы ночные по лесу летают, ветер в деревьях свистит да воет, в траве шелестит. Страшно в горах темной ночью, аж сердце замирает. Плутали, плутали сестры по Медвежьей горе, совсем с дороги сбились. Говорит тут старшая, Дин-чжэр:

— Не надо бояться, не надо из стороны в сторону метаться. Слышите? Отец все еще хворост рубит!

Прислушались сестры, взяли за руки и вместе с собачкой медленно пошли на звук топора.

Перешли гору, миновали два ущелья, вдруг смотрят — дорога горная. Слышно, как топор дерево рубит:

Бан-бан-бан-бан! Обрадовались сестры, закричали разом:

— Отец, отец, мы пришли.

Только эхо им ответило, а голоса отчима не слышать. Смотрели они, смотрели при свете звезд, видят — висит на высоком дереве сухая баранья шкура, рядом палка толстая привязана. Палка от ветра качается, по шкуре, бьет: бан-бан-бан-бан! А топора никакого нет.

Отец, отец, злое у тебя сердце, не пожалел ты дочерей, темной ночью в глухих горах на съедение волкам да тиграм бросил. Домой бы воротиться — ночь темная, горы крутые, дороги не видать.

Куда же деваться? Где голову приклонить?

Вдруг далеко-далеко, в самой чаще горного леса, огонек блеснул. Раз лампа горит — значит, люди есть.

Обрадовались сестры, все разом заговорили:

— Пойдем поглядим, нас только бы на ночь кто приютил, а завтра чуть свет дорогу найдем, домой воротимся.

Одолели они страх, стали в гору подниматься. Вертится собачонка под ногами, идти не дает, лает что есть мочи.

Говорят ей сестры:

— Не лай, дружок, не злись, сейчас в дом придем, еды найдем, тебя досыта накормим!

Взялись сестры за руки, вместе с собачкой на дальний огонек пошли. А это и не лампа вовсе — фонарь у входа в пещеру светится. Поднялись сестры на каменные ступеньки, смотрят — двери каменные двустворчатые, одна половинка открыта. Заглянули — а там старая старуха сидит.

Посмотрела она на сестер, — что за диво дивное? — и спрашивает:

— Как это вы, детушки, темной ночью сюда забрели?

Отвечают девушки:

— Пошли мы в горы хворост собирать, да заблудились. Дозволь, добрая бабушка, на ночь у тебя остаться.

Вздохнула тут старушка и говорит:

— Видать, не знаете вы, в какое место забрели. Гора эта Медвежьей зовется и пещера тоже, потому как живет в ней медведь-оборотень. Не ест он вареной пищи, людей жрет. Кто здесь пройдет — тот в лапы к нему попадет. Видите, белые косточки в пещере горой громоздятся?

— А ты, бабушка, кто же будешь? Отчего медведь тебя не съел, пощадил?

Отвечает старуха:

— Он и меня сожрать хотел, в лапах сюда приволок. Только старая я да тощая. Кости да кожа. Вот и не стал он меня есть, велел за домом присматривать.

— А где он сейчас, медведь? Почему мы его не видели?

— Глупенькие вы, мои детушки! Хорошо, что не видели. Смотрите, как бы он вас не приметил. Вышла старуха из пещеры, поглядела на небо и говорит:

— Пошел медведь на охоту людей ловить, скоро назад воротится. Уходите-ка вы отсюда подбру-поздорову!

Ночь темная, горы глухие, где девушкам голову приклонить?

Спрашивают они:

— Бабушка, а бабушка, медведь воротится, где спать ляжет?

Отвечает старуха:

— Коли жарко — на холодный кан ляжет, коли холодно — на теплый кан залезет.

— А где у него теплый кан?

— В глубоком котле.

— А где у него холодный кан?

— На плоском камне.

Посоветовались меж собой сестры, потолковали тихонечко и говорят старухе:

— Не бойся, бабушка! Спрячь нас в пять больших корчаг, воротится медведь — уложи его спать на теплый кан. Придумали мы, как от него избавиться.

Только они это сказали — снаружи ветер засвистел, медведь на горе появился, тут уж не до разговоров. Открыла бабушка поскорее пять больших корчаг, из глины сделанных, велела сестрам спрятаться. А пеструю собачку в топке схоронила, больше негде. Только они попрятались, медведь-оборотень заявился.

Вошел, носом водит, принюхивается:

— Пых-пых, что за дух?

Отвечает ему старуха:

— Может, это у меня ноги так пахнут?

— Пых-пых, не ноги.

— Может, это от тебя кровью свежей пахнет?

— Пых-пых, не кровью!

Бегает медведь по пещере, по углам шарит. Подошел к глиняным корчагам, хотел открыть да заглянуть. Испугалась старая, сердце запрыгало, удержать его — силенки не хватит, дорогу загородить — смелости недостает: «Плохо дело! Загубит он бедных девушек». Вдруг из топки собачка выскочила, вперед кинулась, тявкнула, хватъ медведя за ногу. Обернулся медведь, пнул собачонку и говорит:

— Чую я дух чужой, а это паршивой собачонкой пахнет!

Говорит ему тут старуха:

— Уж и не знаю, что за собачка такая приبلудная, гнала я ее, гнала, не уходит.

— А ты привяжи ее, коли человека завтра не задеру, собачку съем.

— И то верно. А сейчас спать ложись. Время позднее.

— Жарко, пойду на холодный кан лягу.

— А ты посмотри, какой ветер дует, с полуночи холодать начнет, ложись-ка лучше на теплый кан.

Послушался медведь старуху, залез в котел, захрапел. Открыла тут старуха тихонько корчаги глиняные, выпустила девушек. Дин-чжэр с Шоу-чжор валуны тяжелые притащили, на крышку котла положили, не сдвинешь теперь крышку с места. Цзе-чжир с Эр-чжур сухого хвосту натаскали, стали в печи огонь разводить. А Хэ-бор что есть мочи кузнечный мех растягивает: пай-

да! Пай-да! Мех пыхтит, пламя котел лижет — жарче, горячее, жарче, горячее!

Проснулся медведь да как заревет:

— Жа-жа-жарко! Гр-гр-горячо!

Отвечают ему сестры:

— А ты не реви! Теплее — спать слаще!

— Ай-я! Жарко! Всю шерсть мне спалили!

— А ты не кричи! Шерсть медвежья что шуба. Старую скинешь — новую наденешь!

— Ай-я! Жарко! Всю кожу мне сожгли!

— А ты не реви! Кожа медвежья что платье! Старое скинешь — новое наденешь!

Так злого медведя-оборотня живьем в котле и зажарили.

Наступило утро. Тревожатся сестры. Сердце у них — море бурное. Домой воротиться — там отчим злой, весь век маяться будешь. Не воротиться — тоска по матушке родной изведет.

Видит старая — загрустили, закручинились девушки, и говорит:

— Чего только на этой горе нет — и тыквы, и яблоки, и овощи разные, и травы целебные, и зерно — все тут растет. Мне, старой, тоже голову приклонить негде. Может, останетесь? Вместе жить будем.

И остались пятеро сестер на горе жить. Как изжарили они медведя-оборотня — спокойно на горе стало. В любви да согласии живут девушки со старухой, друг дружке во всем помогают.

Наловили они диких уток, фазанов да зайцев, коров диких пригнали, овец да кабанов, откормили их, стали звери смиренными, домашними. Всю землю на склоне сестры тямками да мотыгами перекопали, пшеницу посеяли, просо. На целине земля тучная, жирная; выкопали девушки канавки, с вершины вода по ним течет родниковая, чистая. Течет и течет, льется и льется. Навозу вдоволь, сорняки выполоты. Пшеница ростки пустила, зеленые, блестящие, на просе метелочки появились. Уродилось все на славу!

Стали сестры тутовый лист собирать, шелкопрядов кормить. Собрали хлопок дикий, принялись материю ткать. На яблоках вино настояли вкусное, ароматное, коноплю посеяли, масла надавили пахучего. Бамбук тонкий нарезали, корзины сплели. Толстые деревья срубили — дом построили. Все у них есть — и еда, и одежда, и жилье, и утварь разная — всего вдоволь.

Зима лето сменяет, жара — холод, незаметно три года прошло. Опять усыпали красные листья землю, опять у ворот персиковое дерево расцвело. Вспомнили сестры о родной матушке, решили весточку ей подать. Сняла старшая сестра наперсток медный, сняла вторая сестра браслет серебряный, сняла третья сестра кольцо позолоченное, сняла четвертая сестра нефритовые сережки зеленые. А младшей что снять? Отвязала она от пояса кошелечек, из атласа сшитый, парчой расшитый. Сложили в него сестры все свои украшения, сверху прикрыли лоскутами шелковыми да атласными, горсточку зерна всыпали. Крепко-накрепко завязали мешочек, кликнули собачку пеструю, в родной дом ее отправили.

Долгих три года сестры дома не были. Долгих три года засуха за горами стояла, нет и нет дождя. Торговля у разносчика совсем захирела, какой был у него товар, весь продал, а деньги проел. Да и коромысла с товарами нет сил таскать. В ларе — ни зернышка, в ящике — ни горсти муки. Печь холодная, из трубы дым не идет. Сидят муж с женой, вздыхают да охают. Вдруг смотрят — собачка пестрая бежит, хвостом виляет, в зубах — узелок. Взяла жена узелок, развязала, а там наперсток медный, браслет серебряный, кольцо позолоченное, серьги нефритовые да еще кошелечек, из атласа сшитый, парчой расшитый. Заплакала мать от радости и говорит:

— Живы мои доченьки, все пятеро. Про то мне шпильки да заколки в мешочке атласном сказали. Есть у них еда, есть одежда. Про то мне лоскутки да зернышки сказали! Скорей беги вперед, собачка пестрая, приведи меня к моим детушкам!

Услыхал это злой отчим и не знает, верить ему или не верить. Только дома все едино с голоду помрешь. И решил он вместе с женой идти. Собачка впереди бежит, муж с женой следом за нею. Прошли девяносто девять отмелей, обогнули девяносто девять излучин, к горе подошли — Десять тысяч сокровищ зовется. Стали вверх подниматься. По склонам да по кручам поля зеленые, ухоженные; коровы мычат, козы скачут, куры, утки, свиньи, зайцы по горе бегают. Посреди горы — дом высокий, двор просторный. Тявкнула пестрая собачка три раза: ван-ван-ван!

Пять девушек, пять сестер к воротам вышли. Радуются, дивятся, слова вымолвить не могут.

Кинулись они к своей бедной матушке и давай ее обнимать. Три года не видались, нынче вдруг встретились.

Отчим в сторонке стоит, покраснел весь, стыдно ему, совестно. Вздохнул он тихонько и думает: «Виноват я перед дочерьми, повиниться надобно».

Повинился, прощенья испросил, на том и сказке конец. А коли спросите, чем пять сестер мать с отчимом потчевали, отвечу вам: вином да мясом, да еще блинами масляными многослойными, целыми блюдами их подавали.